Александр Грин. Зябкое сердце

Дмитрий Михайлович Володихин

SHOUT
SHARE
IT

- Дмитрий Володихин

Дмитрий Володихин
АЛЕКСАНДР ГРИН. ЗЯБКОЕ СЕРДЦЕ

рассказ, 2011 год
антологии «Классициум» (2011), «Трудный путь» (2012)

Александр Степанович Грин (Грин - псевдоним, настоящая фамилия Гриневский). Родился 11 августа 1980 года, поселок Соловецкий, Большой Соловецкий остров, Российская Федерация; умер 8 июля 2032 года, Партенит, Крым, Российская империя. Замечательный сказочник и романтик русской литературы.

Родителями Александра Степановича были лодочник на Соловецкой системе озер и каналов, а также ссыльная крымчанка, попавшая на Соловки за попытку объявить Крым суверенным государством, совершенную в составе клуба независимых интеллектуалов «Фиолетовый кристалл». Скитался по России, был матросом, кладоискателем.

На военной службе, среди пограничников (в 2002), создал группу «Златая цепь», поставившую своей целью прямое действие против разрушения византийской крепости в городе Алуште. Был выдан провокатором, бежал из-под ареста, выпускал самодельную листовку «Алустон». Совершил теракт, облив представителя власти мазутом и изваляв его в перьях, вновь подвергся аресту, отправился в ссылку на Соловки, откуда совершил побег по поддельным документам.

Десять лет жил по фальшивому паспорту в коммуне «Бегущая по волнам», учрежденной мастерами радикального серфодайвинга (Севастополь). Затем обратился к властям как доброволец при колонизации Марса; получил амнистию и принял участие в проекте «Русский Марс» в качестве рядового волонтера.

Первый рассказ «Заслуга космонавта Пантелеева» (2026) был конфискован и сожжён международной марсианской таможней, поскольку в нем содержалась идея сделать русским весь Марс. Впервые подпись «А.С. Грин» появилась под рассказом «Апельсины» (2027). Писатель-романтик, фантаст, превосходный пейзажист и тонкий психолог, Г. умел раздвинуть рамки обыденности и обнаружить в окружающей жизни её поэтические стороны. Г. верил в человека и считал, что всё прекрасное на земле зависит от воли сильных, чистых сердцем людей («Огнецветные паруса», 2027; «Сердце марсианской пустыни»,

2027; «Зябкое сердце», 2028; «Марсианские хроники», 2028; «Марс пробуждается», 2030). Прожил несколько лет в фактории Королев как инженер-механик космических лайнеров. Создал там лучшие свои тексты и стал наиболее известным русскоязычным писателем планеты. Занимался черной археографией, в результате чего должен был реэмигрировать на Землю. Последние годы жизни провел в поселке Партенит, где и пожертвовал местной библиотеке драгоценную коллекцию марсианских манускриптов. По повести «Огнецветные паруса» создана компьютерная игра, опера и одноименный фильм. Повесть «Зябкое сердце» удостоилась международной марсианской премии имени Рэя Брэдбери (2030). За месяц до кончины принял монашеский постриг и упокоился под именем инока Афанасия. Похоронен на кладбище Иоанно-Готского монастыря.

В 2040 году в Феодосии создан литературно-мемориальный музей Г. В 2050 году, к 70 летию со дня рождения, на территории рекреативного центра «Айвазовское» в Партените установлена сорокаметровая фигура Г., смотрящего в море, вырезанная из цельного куска марсианского обсидиана.

Жила-была маленькая девочка.

Родители души в ней не чаяли: девочка была единственным ребенком в семье. Больше всего она любила гулять по старым паркам, садам или, лучше всего, лесам, отыскивая самые глухие места. Добравшись до чащобы, она представляла себе, что тут - ее царство и никому без ее позволения не проникнуть в это заповедное место. Где-то неподалеку, в сплетении тропинок, стоит старый деревянный дом, принадлежащий ей одной. Надо уметь правильно общаться с дверями в сокровенном доме: некоторые из них опасны, другие открывают выход в иные миры, третьи решают сами, открываться им или нет... Еще она любила уединиться где-нибудь с книжкой и баранками. Нанизывала их по штуке на каждый палец, кроме большого и указательного на правой руке - ведь ими приходилось держать книжку. Впрочем, если разобраться, томик можно прижать рукой к боку... Тогда освобождается место для двух дополнительных баранок.

Девочка была снежнокожей и печальноглазой. Некоторые считали, что смотрит она куда-то внутрь себя, и всякое общение с другими людьми для нее - род притворства. Она выслушивала замечания о своей внешности, взглядах и поведении, но в ответ лишь пожимала плечами.

В четырнадцать лет девочка поняла, что красива, а в

семнадцать, - что красота бывает утомительной штукой. Легкая сутулость ее вызывала у парней желание взять под крыло, научить уму-разуму, оказать покровительство... Самые глупые из них не умели понять, как получилось, что ничего не получилось - начиналось-то, вроде, как у всех; самые умные изобрели выражение «ошпарила холодом»; ну а крепкие середняки обменивались обескураживающими сплетнями: «Вот хоть как крепко ее обнимай, а всё равно она не с тобой». - «В смысле?» - «Ты, как последний осел, где-то тут, а она, как наглая аристократка, где-то там...» - «Где?» - «В том-то и дело, что никак понять невозможно - где».

Умом Бог девочку не обидел. А ум красоте чаще всего мешает.

Девочка жила б и не тужила, если бы не мучила ее одна странная хворь. Восемнадцать врачей, вооружившись лучшей диагностической техникой двадцать первого века, пытались найти ее источник, но один за другим потерпели фиаско. Двадцать два нетрадиционных медика, нещадно трудясь, смогли выяснить только одно: время от времени помогает хороший чай. Помогает, но не излечивает...

Иногда из сердца девочки выходил холод. Будто внутри сердечной мышцы появлялся самородный лед. Зерно льда, ледяная игла, ледяной клубень или же целое кружево ледяное - какой бы ни была фигура стужи, поразившей сердце, она всякий раз принималась расти. Иногда девочка чувствовала, что сердце одевается в чехол смертельной стыни, и веточки мороза растут от него во все стороны. В такие дни ей становилось трудно дышать, она скоро уставала, становилась сонной и неуклюжей.

А потом она погружалась в спячку. Чаще всего - на сутки, но порой - на двое, трое суток и даже на целую неделю. Девочка восставала ото сна очень слабой, но холод к тому времени исчезал из ее груди. Сам собой. И усилия врачей не играли тут никакой роли.

Девочка боялась, что однажды не проснется: холод заманит ее душу в свой туманный край, и душа останется в тех местах навсегда - писать стихи на вечных снегах...

Звали ее Ольга.

Ходить в школу она не могла - это было слишком рискованно. А значит, должна была учиться заочно. Когда девочка превратилась в девушку, ей пришлось так же, заочно, учиться в университете. По сети она получала задания, разговаривала с преподавателями и даже отвечала на экзаменах.

За много спячек до университета, когда Ольга еще числилась школьницей, врачи заподозрили у нее слабость легких. Ее

родителям дали совет поселиться в теплых краях, лучше всего - у моря. Семья облюбовала место на Южном берегу Крыма, близ Алушты. Папа, мама и девочка переехали в летний дом на сваях, дальше всех выдвинутый в море среди всех домов свайного поселка. На зиму им приходилось перебираться в Симферополь.

Легкие оказались ни при чем.

Крымская летняя жара не согревала Ольгу, если холод возникал внутри нее. Зато ни зимние морозы, ни ледяной ветер бора не вредили ее здоровью.

Крым она полюбила.

Если в погожий день выйти на крытую галерею перед окнами ее дома, то справа можно разглядеть громадного каменного медведя, пьющего волны; слева - громадного каменного... не пойми кого, но страшного, - и тоже пьющего воду; позади - настоящий готический замок, выстроенный тут века полтора назад. А впереди - нестерпимо белое солнце жадно целует лазурный горб моря, оставляя на нем длинный след люминесцентной помады.

Однажды, под занавес октября, Ольга вышла в одном купальнике на пляж, когда море штормило. По мелкой самоцветной гальке она подобралась к линии прибоя и подставила тело под удар волны. Еще раз... И еще раз! Море, разъярившись, утащило ее к себе, на глубину, и отец едва успел спасти девочку. «Не смей больше делать так! Никогда», - было ей сказано. Следующее утро застало ее там же, только штормило в тот день крепче. Но на сей раз девочка устояла на ногах. Море с нею не справилось.

Отойдя на сухую часть пляжа, она почувствовала на себе чужой взгляд. Женщина Крым - равнодушная, высокомерная красавица - заинтересовалась ею. И даже сказала ветром, светом и брызгами на гальке нечто вроде: «Неплохо, девочка». Ольга встрепенулась, рассердилась, бросила в ответ: «Я человек, а ты всего-навсего призрак! Ты не смеешь разговаривать со мной, как госпожа». Ощущение взгляда исчезло. Но время от времени оно вновь появлялось. Женщина Крым стала тайной подругой девочки: их объединял общий холод в сердце.

А победа над морем стоила Ольге недели в больнице. Врачи сказали тогда: «Легкие были здоровы, но теперь в них обширное воспаление». Девочка в ответ улыбнулась. «Вы разве не понимаете? У вас тяжелое воспаление легких!» - «Всего-навсего? Самое обычное?»

Как им объяснить, что существуют проблемы, по сравнению с которыми воспаление легких вообще трудно заметить...

...В тот вечер она отчаянно пыталась не поддаться сну. Иногда холод наплывал, едва не лишая сознания, а временами отступал. Но позиции он сдавал неохотно, и ему не хватало самой малости, чтобы отправить девочку в нокаут спячки. Завтра - первый экзамен сессии. Надо держаться. Лучше бы удержаться...

Получалось плохо. В груди нарастали все признаки большого ледяного затмения. Она предчувствовала: на сей раз ее ожидает нечто необычное. Гвоздик в сердце подрастал что-то уж слишком быстро. Боль толкалась ножками и заставляла тревожно размышлять о той минуте, когда прелюдия кончится и тварь полезет из сердца головой вперед.

К отцу пришел его товарищ - магистр Антонов, большой дока по части марсианских рукописей. Ольга спросила гостя из вежливости о каких-то, прости господи, никому не нужных поисках императорской библиотеки марсиан. Он отвечал долго, основательно, с живыми подробностями. Рассказал, как доктор Александропулос придумал использовать команду профессиональных спелеологов, чтобы с их помощью влезть в трещину, пересекавшую под углом сорок пять градусов отвесный склон в кратере Медлера. Как они чуть не заблудились, но в конце концов вышли к целой грозди имперских бункеров; оказалось, что марсиане их бросили всего двести лет назад. Как российская экспедиция сцепилась с женевской из-за прав на драгоценную находку. И как они потом вместе отстреливались от банды черных археографов, нанятых коллекционером из арабских шейхов...

Ольга сейчас же увела гостя в свою комнату и налила ему чаю. К чаю Антонов приник с бешеным восторгом - все, кто подолгу работал на Марсе, возвращаются с диковинной аномалией: пьют чай ведрами. Отчего?

Гость потчевал ее рассказами о походах за рукописями в лабиринты династии Лом. О вскрытии бункера «Тэнг» с гробницами марсианских императриц. О гонках на марсоходах. О настоящем большом сражении, разразившемся в фактории Королев: синдикат якудза попытался взять библиотеку Научного центра с находками за пять лет. Наконец, о драгоценном имперском манускрипте с текстом договора между монархом Дуд-Харт и вольным кланом собаководов. Уникальную рукопись обнаружил лично Антонов - через два года после того, как молодой магистр Булкин предсказал, где она, чисто теоретически, может находиться.

Всё это было очень интересно. Ольге с детства нравились истории о древних тайнах, о нерасшифрованных рукописях, о кладах и прочих драгоценных находках. Ее собеседник говорил со

знанием дела, не стеснялся объяснить непонятное. В то же время - то ли каким-то особенным тоном, то ли улыбкой, то ли внимательным отношением к ее вопросам - он давал понять, что ведет разговор с равной. Это было очень интересно...

Но сердцу не становилось теплее. В сердце застряла сосулька, с каждым часом становившаяся чуть больше. Иногда в студёную зиму бывает, что ты берешься ладонью за ледяной штырь, свисающий с крыши, отламываешь нижнюю часть и вертишь ее в ладони, ожидая увидеть, как польются с ее боков холодные слёзы. А она - не тает. Не тает, и не тает. Мороз кругом, и сосулька не желает поддаваться живому теплу человеческой руки... Именно это происходило сейчас у нее в груди. Вот только нетающую сосульку сжимали не пальцы, а сердечная мышца.

Он помотал головой.

- Так ничего не получится.

- Что не получится? - удивилась она.

- Да ровным счетом ничего хорошего. Надо как-то не так.

Она усмехнулась:

- Папа решил полечить меня умными знакомыми?

- Согласись, глупыми знакомыми точно никого не вылечишь...

- А что, кто-нибудь уже ставил подобный опыт?

- Недавно как раз читал монографию Допплера - Мабинского «Терапия знакомыми глупцами в позднеассирийской медицине». Специалисты говорят: у них там, в Ассирии, все попытки окончились полным провалом. Считаешь, надо поставить новую серию экспериментов?

На несколько мгновений она ему даже поверила.

Искорка веселья.

Маленькая.

Вспыхнула и пропала. Даже не добралась до губ, о глазах и речи быть не может.

- Считаю, надо плюнуть на медицину и жить, сколько отмерено.

Он опечалился.

- Всё настолько серьезно?

Ольга хотела уйти. Разговор дошел до тех мест, куда ей не хотелось пускать никого. Но не ушла: встать с кресла - это очень хлопотная затея. Не сейчас. Она хотела сказать, что кое-кому стоит интересоваться собственными болячками и не соваться к чужим. Но не сказала: выходила какая-то театральная реплика. Она хотела пошутить. Но хорошая шутка не пришла в голову, а плохой она стыдилась.

Она просто закрыла глаза.

Очень устала.

Очень.

На этот раз сердечная стужа мучила ее дольше и сильнее обычного.

Он опять помотал головой:

- Ну да, так ничего не получится.

«О, каков энтузиаст. Пошел на второй цикл».

- А давай-ка... Может... это тебе понравится.

«Ты очень уютно жужжишь. Можно, я при тебе посплю с открытыми глазами?»

Отцов знакомец притушил свет. Сел напротив нее за стол. Взял за руку. Выдирать руку из его пальцев это ведь тоже - такая морока... Она всего лишь сообщила:

- Всё остальное у меня столь же ледяное, как и пальцы.

Воздыхатели, прежде пытавшиеся за ней ухаживать, после этих слов рассыпались в мелкую крошку. Все до единого. Проверенное средство.

«Сейчас забормочет, мол, не такие уж и ледяные... но как раз с минуту назад он вспомнил... срочное дело... или что еще у них бывает срочного в таких случаях? Встреча? Звонок?»

Собеседник молчал. Руку отпускать не торопился.

Ольга взглянула ему в лицо и вяло удивилась: ее визави сидел, закрыв глаза, и, кажется, нечто припоминал, морща лоб. То ли... Ей представилась странная картина - если можно превратить ум в сачок, то сидящий перед ней человек явно проделал именно это и теперь пытался поймать призрачным сачком призрачную бабочку у себя над головой.

«А сам-то ты ученый магистр, не захворал ли, часом?»

Наконец он заговорил:

- Жила-была маленькая девочка...

Она вздрогнула. Эти слова будто пароль, некогда значивший очень много, ни разу не использованный и почти забытый, открыли дверь в ее душу. Произнесены они были иным тоном - не тем, каким велась их беседа. До сих пор Ольга и представить себе не могла, что голос бывает - словно теплый ветер.

...Жила-была маленькая девочка, родившаяся на острове, в семье гончаров и не видевшая в своей жизни ничего, кроме глины, печи для обжига и лодки, уставленной кувшинами. Раз в неделю лодка отправлялась на большую землю, в богатый город. Если там удавалось что-нибудь продать, в тарелках появлялось по маленькому кусочку мяса. Когда годы стали превращать девочку в девушку, она, повинуясь необъяснимому влечению, расписала один кувшин...

Ольга следовала за его голосом, тонула в его голосе, дышала его голосом. Лепила горшки, расписывала, торговала ими,

дважды собиралась выйти замуж, и дважды с ее мужьями случались странные неприятности, а вот третьего, настоящего, любимого, спасла от смерти и была с ним счастлива.

-...и была с ним счастлива, хотя многие и не верили, что даже такой невезучей женщине, как она, от Бога положено счастье. Вот и вся история о девочке из семьи гончаров, - завершил рассказ ее собеседник.

Она молчала.

- Понравилась тебе моя история?

Она молчала.

- Неужто не понравилась?

Она молчала.

- Жаль, я очень старался...

Ну как ему объяснить! Как ему, не знающему, до чего холодно бывает от ледяного гвоздя в сердце, объяснить всё счастье той секунды, когда ты чувствуешь: лед выдернули из груди... И с каким содроганием ждешь: нет, так легко не отделаться, сейчас крупинка зимы опять шевельнется там, внутри, опять начнет расти, опять станет трудно дышать, опять исчезнут все желания, кроме одного: спать.

Не шевелится, зараза.

Не шевелится, дрянь.

Как хорошо! Спасибо, Господи. Стало теплее.

Не думая, что делает, не сомневаясь и не колеблясь, она потянула его руку к себе и прижала к щеке. Потерлась. Нет, не как кошка. И не как женщина. Просто на всю ее жизнь окрест она не помнила ничего, способного источать столько тепла, сколько давали эти пальцы.

- Знаешь, мне показалось, что ты как-то озябла. Захотелось побыть для тебя угольком в камине.

Чертовски точно. Наверное, следует уставиться на него безумным взглядом. И спросить... ну-у... например, вот так спросить: «Откуда ты это знаешь?!» Жаль, ее никогда не прельщала профессиональная деятельность актрисы.

- Я согрелась, сказочник. Мне очень хорошо. Я хочу, чтобы ты пришел еще раз.

- Хорошо.

- А а а... во о о о от... ну-у у у...

- Еще одну сказку?

- Если оставить вежливость и приличия в стороне, то да.

- Хорошо.

Его не было очень долго.

Его не было нестерпимо долго.

Отец говорил: опять Сережа застрял на Марсе. Дальше следовал ряд непонятных слов - бункер «Берроуз», первая федерация вольных прайдов, эпоха Дуд, подземный город «Пыльное пятно» в долине Маринера, таможенные книги клана Уггал-Горт...

В финале прозвучало более понятное словосочетание: «Сенсационный доклад на межпланетной конференции».

Разумеется, Ольга спросила.

Отец ответил, несколько смутившись: «Дело даже не в том, что я отошел от полевой археографии пять лет назад... В конце концов, помню же еще базовые вещи! Но... Антонова понимают всего трое или четверо специалистов во всем мире. Видишь ли, всего трое или четверо. Остальные в лучшем случае понимают, что он чрезвычайно хорош в своем деле, но следовать за его логикой не способны... В самом общем смысле, он говорил про некую экономическую революцию на древнем Марсе: не разбери-пойми какие прайды клана Уггал-Горт научили Марс обходиться без поставок не разбери-пойми каких-то еще ринхитов. Господи, прости и помилуй! Тебе-то зачем?»

И действительно - зачем?

Ей всё это совершенно ни к чему.

Она не собирается влезать в премудрости марсианской полевой археографии.

Разве у нее мало других дел?

Через неделю она спросила у отца, когда именно кланы начали распадаться на прайды: в эпоху Дуд или еще в эпоху Дон? Отец машинально ответил, что в эпоху Дон, разумеется. А потом сообразил, о чем именно его спросили, и проводил дочку недоуменным взглядом.

Еще неделю спустя Ольга осведомилась, чем ринхитская клинопись отличается от имперской. Папа почесал подбородок, почесал за ухом, почесал в затылке и хотел было увести разговор в сторону, но потом все-таки вспомнил, что у марсианских имперцев клинопись на порядок упростилась и стала доступна непрофессионалам, а у ринхитов ею владела лишь малочисленная каста писцов.

Еще через три дня она спросила насчет знаков сокращения в раннем иератическом полууставе. После двух попыток вспомнить, какой раздел марсианской палеографии содержит правильный ответ, отец честно признался ей: «Я вижу, Марс заинтересовал тебя всерьез...» И она столь же честно ответила: «Иногда меня забавляют всякие необычные штуки».

Еще через два она сделала свой первый перевод марсианского документа, выложенного в сети. И получила за него свои первые

честно заработанные деньги! Когда-то, в эпоху «дикого» освоения Марса, черные археографы и маленькие экспедиции провинциальных музеев насобирали там множество манускриптов. Теперь это считалось тяжелым преступлением, и полевой археографией могли заниматься лишь крупные академические центры... да еще самая отчаянная мафия. Но те, первонайденные рукописи, часто оказывались до сих пор не расшифрованными. Музейщики и частные коллекционеры выкладывали их в сеть, обещая заплатить за перевод тому редкому энтузиасту, который хоть что-то понимает, скажем... в раннем иератическом уставе.

Это был календарь марсианского садовода из княжества Ринх...

А потом она получила письмо из марсианской фактории Королев. Если отбросить вежливость и приличия, там было сказано, что некто Антонов по ней соскучился. Ольга абсолютно равнодушно отнеслась к этому сообщению, разве только мучилась бессонницей три ночи подряд. Одно место в письме она выучила наизусть, прочитав послание... э э э... совсем небольшое количество раз: «Очень жалею, что должен был задержаться. У меня есть для тебя сказка, и ты ее получишь, когда к тому представится удобный случай. Не минет и пяти суток по вашему земному счету, как я доберусь до Земли, до Крыма, до одного чудесного дома на сваях».

Ей хотелось летать. Бог весть, почему.

Но поскольку полеты для зрелой и серьезной женщины - слишком легкомысленное занятие, она всего лишь недолго попрыгала на кровати, когда никто не мог увидеть ее за этим несколько необычным занятием.

Ольга хотела спросить кого-нибудь, почему сказочник не писал ей столь долго, но вовремя представила себе, что произойдет, если она задаст подобный вопрос папе... ой, вот не надо!.. или маме... э э э... она пообещает хранить всё в строгом секрете, а на другой день папа непременно поинтересуется, зачем ей понадобился Сергей Максимович Антонов. Нет. Ни в коем случае.

Вместо этого она спросила у сети, каким образом отвечают на послания, доставленные межпланетной связью. Ей ответили цифрой.

Первую минуту Ольга не верила своим глазам. А чуть погодя, начала кое-что понимать. Захотела узнать, сколько будет стоить, если заказывать переброску информации не с Земли, а с Марса.

Ох!

Да ведь он, надо полагать, влюбился. А влюбившись,

рехнулся. Теперь его не вылечат ни за что. Вот беда-то...

Девочка, ведь ты уже совсем взрослая. И ты, разумеется, не станешь хлопать в ладоши, да?

Кстати, стоило подумать, как одеться к его визиту...

Он не явился ни через пять суток, ни через шесть, ни через семь. А на восьмые она ощутила, как в груди разливается пятно холода. Так быстро, как никогда прежде. Она успела дойти до матери, провести ладонью от горла до солнечного сплетения и сказать:

- Всё как-то уж очень быстро на этот раз.

...на десять секунд очнулась, когда реаниматор уже хотел объявить время смерти...

...еще на пять секунд...

- Папа, зови Антонова...

На самом дне беспамятства раскинулась серая страна. Там есть всё: облака, солнце, дома, деревья, холмы в чистом снежном наряде, клубящийся туман повсюду, море, вот только звуки там приглушены, а цветов нет совсем. Из-за тумана, наверное. Вместо цветов - оттенки серого. Зато как их много, сколь они тонки! В серой стране на великом и малом, на живом и неживом, на ярком и незаметном лежит печать покоя. И всё бы хорошо, только... холодновато в тех краях. Да-да, определенно, там стоит вечный вечер, и на тело нападает пронизывающий холод.

В серой стране иногда снятся сны. Только в снах возвращаются цвета. И только в снах звуки звонко звенят.

Ей снился сон, где она была хозяйкой замка в заповедном саду, но почему-то ей следовало покинуть свои владения.

Ажурная, воздушная постройка на зеленом холме у моря: стены серовато-желтого камня, барельефы с гербовыми щитами, мост, перекинутый через реку, где течет вода цвета старой меди, стрельчатые арки, башенки со шпилями, колоннады, донжон, грозно возвышающийся над всею постройкой, старые липы в замковом дворе, мозаичные полы... Целый мир. Ее мир.

Ольга с самого начала знала: её право на владение этой красотой не вечно, и рассталась с ним без споров. Взамен ей позволили приходить сюда и любоваться тем, что было покинуто. Стены. Башенки. Медная вода. Липы... С каждым днем замок становится всё более запущенным - ведь это память, а ее, в отличие от настоящего, нельзя ни подштукатурить, ни побелить, ни отреставрировать иным способом. Дорогие тебе приметы понемногу ветшают. Здесь обвалится лестничный пролет. Тут исчезнет шпиль. Там сквозь крышу прорастет трава, а потом и деревья пустят цепкие корни в каменную плоть. Ничего поделать

нельзя. Замок медленно растворяется, его затопляют холодные туманы, и скоро она явится на старое место, а там уже ничего не осталось. Но она всё равно станет бывать там вновь и вновь, пока ее не оставит желание уходить оттуда. Тогда она останется там навсегда - в окруженьи клубящейся мглы.

...из серых туманов ее заставил вынырнуть знакомый голос. Ничто другое уже не заставило бы.

Когда она открыла глаза, тот самый голос уже смолк. Она жаждала напиться им, но вместо него зазвучал голос отца - весь в колючих орнаментах недоумения и раздражения:

- Решительно не понимаю, почему мне следует выйти. Я вообще что-либо перестал понимать! Ты появился, когда мы уже собирались связываться с тобой... девочка... она... она, конечно, зачем-то хотела тебя видеть. Какая-то фантазия, Сережа, я не понимаю. Решительно не понимаю! Но ты-то, взрослый мужчина, ты, скажи-ка мне, чего ради вбил себе в голову, что можешь вылечить ее? Что за бред!

Ответное журчание его - ЕГО! - голоса:

- Не вылечить. Но... может, ей станет чуть лучше.

Еще раздраженнее и намного громче:

- Ты хоть понимаешь, какие светила побывали тут, у ее постели?! Сколько денег мы... да это не важно! Ты дашь ей ложную надежду. Ты нам дашь ложную надежду! Чем ты шутишь, Сережа? Соображаешь ты или нет?

И опять в ответ - ручей света:

- Да разве всё это имеет значение, если ей станет чуть-чуть лучше?

- Слава богу, вся эта болтовня имеет лишь теоретическое значение. Вот уже сутки она не приходит в сознание. Так что и говорить не о чем, друг мой.

Пребывая в полусне, изо всех сил пытаясь не вернуться в серую страну, Ольга хотела крикнуть: «Оставьте его в покое! Пускай сядет рядом», - но не могла собрать сил ни для крика, ни даже для твердо сказанных слов.

- Уходи, Сергей. Добром тебя прошу. Вот уж не думал! Для тебя это игрушки, а я...

Она сконцентрировала всю свою волю и застонала.

Пауза.

Две косые тени у ее постели. Светлая акварель двух лиц над ее лицом. Сначала она просто шевелит губами, потом непокорные звуки все-таки начинают покидать ее рот:

- Папа... он знает... как сделать лучше... мне...

Одна из теней исчезает.

- Почему тебя так долго не было?

- Авария... - донеслось до нее как сквозь вату - на орбите... трое суток... ремонтировали... я бы... ты...

Ольга чувствовала: сил хватит ровно на одно слово. Следовательно, ей надо выбрать самое важное слово.

- Сказку...

Правой ладони стало теплее.

- Жила-была маленькая девочка... Она родилась на одном из тысячи островов, рассыпанных в одном теплом море, очень мелком и очень прозрачном. Плавая по нему, можно было, перегнувшись через борт лодки, разглядывать раковины, морских звезд, кораллы, морских ежей на дне и рыб, плавающих между ними. Девочка любила путешествовать в одиночестве, при ласковом, нежгучем солнце, и чтобы ветер не трепал море за вихры...

Кажется, она уставилась на сказочника довольно безумным взглядом - перед глазами всё расплывалось, вот и пришлось выпучить их, не хуже кошки, разбуженной опасными чужаками на любимой лежанке.

- Откуда ты знаешь, что я люблю раковины?

Сказочник на миг утратил нить повествования:

- Не перебивай меня. Один-единственный раз отвечу тебе, а больше не стану: раковины мне и самому нравятся. Не знаю, почему. Просто Бог сделал их совершенными.

...девочка случайно добралась до исчезающего острова, пережила там странные приключения и научилась писать стихи. Встретила там стража, захотела остаться с ним, но не решилась. А потом на протяжении многих лет искала путь к исчезающему острову, но так и не отыскала бы, если б страж сам не явился за ней. И дальше всё у них было хорошо.

Час назад, когда Ольга покинула серую страну, в ее артериях и венах стоял лед - как на реках по зимней поре. В голове холодный ветер выдувал мысли и чувства. Мышцы смерзлись в безобразные комья, а сердце готовилось стать сосулькой. Потом тюкни по нему, и оно разлетится в ледяную крошку... Теперь сосулечный чехол на живой плоти подтаял, руки и ноги отчаянно болели, оживая, а в сосудах начался ледоход. Лесное зверьё, не чаявшее конца зимы, вышедшее на лед и внезапно очутившееся на середине бешеного потока, отчаянно прыгало с льдины на льдину, пытаясь добраться до берега.

Ход в серую страну захлопнулся.

Она еще не могла есть и пить. Она еще не могла встать с постели. Она даже не могла громко говорить. Но на то, чтобы сжать его ладонь покрепче, сил у нее хватило.

- Это хорошая сказка.

- Оттеплилась?

Душа ее порою раздваивалась. Одна половинка говорила: «А ну-ка, стоп! Только высунь кусочек настоящего чувства из-под брони, и сейчас же получишь по нему чем-нибудь острым, тяжелым или горячим. Держи при себе. И не надейся». Другая, не вступая с первой, разумной, в споры, занималась наглыми иррациональными диверсиями. Иначе говоря, заставляла совершать необдуманные поступки, в которых воспитанная девочка позже должна бы раскаиваться. Вот и сейчас первая половинка пребывала в полной уверенности, что словосочетания «хорошая сказка» - более чем достаточно. Вторая же бессовестно заставила открыть рот и ответить честно:

- Если тебя не будет рядом, я умру.

- В каком смысле?

Ольга не хотела отвечать.

- Ты можешь не отвечать...

Тогда ей захотелось ответить.

- Нет, подожди-ка... подожди. Я думаю.

Она колебалась не более минуты и сказала твердо:

- В обоих. Я тебя люблю, чеканщик слов.

Сказочник онемел.

Ольга сжалилась и решила дать ему время на размышление:

- Ты ответишь мне завтра, когда принесешь новую сказку. А если не придешь, то я пойму - таков был твой ответ.

Она так хотела увидеть его на следующий день, что проклятое сердце опять начало зябнуть.

...Когда дверь за отцом закрылась, сказочник произнес:

- И я люблю тебя, пришелица из эфирного королевства.

В ней боролись два желания. Конечно же, хотелось досконально разобраться, что это за королевство такое, почему она оттуда пришла, а не явилась на свет более традиционным путем, и отчего ей понадобилось совершать вояж из тех, видимо, весьма дальних мест в эти. Но... во первых, он сказал всё самое главное. Во вторых... ну, допустим, получит она точные ответы на все эти вопросы и, может быть, даже увидит в них что-нибудь забавное. Но разве не шепчет ей на ухо внутренний холод: «Давай, посмейся! Ужели ты оставишь свою привычку хихикать над всякими такими штуками?» - а холод всегда был великим обманщиком.

В конце концов она определила для себя: считаться пришелицей из эфирного королевства - красиво и необычно. Почему бы на время не стать ей пришелицей из эфирного

королевства?

Все эти мысли вовсе не имели строгой последовательности. Они пролетели в один миг, в один щелчок пальцев. Хоп! - и она уже поняла, как ей стоит ответить.

Надо улыбнуться.

Вот незадача...

Мышцы лица со скрежетом принялись выполнять непривычную работу.

Тогда он взял ее за руку и произнес те самые несколько слов, которые всякий раз приносили с собой целый август тепла:

- Жила-была маленькая девочка...

Это было повествование о том, что один раз в жизни, один-единственный раз, людям даруется радужный мост, и по нему можно пройти куда угодно, к кому угодно, в любую точку времени и пространства, но вернуться уже не получится.

Глотнув сказки, Ольга заплакала. Тысячу лет не плакала. В детстве падала, расшибала колени до кости, один раз сломала ребро, хотелось орать в полный голос, но она, закусив губу, терпела. А тут... Кокон льда, в котором едва трепыхалось сердце, потек водицей, и когда щупальца его, запущенные в плоть, стали выдергиваться, о! - это было чудовищно больно. Она чуть с ума не сошла. Слезы потекли сами, не потрудившись спросить у нее, хозяйки, разрешения.

На следующий день опять:

- Жила-была маленькая девочка...

Это был рассказ о госпоже леса, заскучавшей и отправившейся к людям, чтобы остаться среди них, простившись со своей волшебной силой.

Ольга улыбалась и сжимала его руку так сильно, как только могла. А потом, когда отзвучали последние слова, почувствовала, сколь сильно проголодалась за последние дни. Она пообедала как следует, отвергнув жалкие протертые яблочки.

На третий день вновь:

- Жила-была маленькая девочка...

Это было сказание о том, как дочь судовладельца получила от отца по наследству целый флот, и среди прочего - корабль с огнецветными парусами. Ей пришлось выдержать долгую борьбу со строптивыми капитанами кораблей. А потом отправиться под парусами цвета пламени выручать того, кто помог ей и теперь ждал спасения от нее самой.

Когда сказочник закончил, она попросила его:

- Помоги-ка! - и встала с его помощью на ноги.

Сердце избавилось от малейших зерен льда. Она едва ходила, но все-таки ходила. Сначала - опершись на его плечо, потом сама.

Мать заикнулась было:

- Тебе вредно... надо еще полежать, набраться сил...

На что получила ответ:

- Чем больше лежишь, тем неживей становишься.

Ольга любила гулять с ним - сначала те несчастные десять минут, пока она могла удержаться в вертикальном положении. Потом - полчаса. А чуть погодя - целыми вечерами.

Антонов похвалил ее перевод. А еще он принялся рассказывать, как легче всего справиться с непослушной марсианской палеографией, как трактовать вот это темное место или вон то совсем уж несветлое в редком документе эпохи Дуд... С палеографии он переходил на истории о ловушках в марсианских бункерах и о самых свежих находках, сделанных в самых недоступных местах.

Ольга и ее сказочник бродили по бесконечному парку, который несколько поколений назад был садом в имении князей Гагариных. Над головою наливались теменью оливковые сумерки. Мимо с торжественной медлительностью шествовали кедры и кипарисы. В скудном свете фонарей неспешно вальсировали белые беседки с античными колоннами. Отражения бронзовых скульптур с ленцою трепетали в заросших прудиках. Над продрогшим асфальтом плыли запахи смолы и увядших трав.

По осенней поре образ райского сада, разлитый по здешним аллеям, словно тягучее сладкое вино, утратил ясность очертаний. Сырой холодок заставлял тосковать по безмятежности июля и роскоши августа.

Привыкнув спасаться от внутренних заморозков, Ольга внешнего холода не боялась.

- Я хочу показать тебе кое-что, сказочник. Нынче октябрь. Те, кто провел здесь неделю, две, три или даже месяц, видят в Крыме какую-то экзотическую танцовщицу. Гордая южная красавица, горы, цветы, бирюзовая волна, светлячковые ночи, древние замки и... и...

- И всякие такие же штуки из репертуара романтического театра. Лунные дорожки, например. Орлы на вершинах. Дельфины.

- Они самые. Или, скажем, чайки... Так вот, Крым - точно! - женщина. Красивая и хитрая. Она улыбается, рассказывая прекрасные легенды. Легкими, якобы случайными прикосновениями заставляет волноваться... Она любит, когда ею любуются, когда ей поклоняются. Она жалует монахов и поэтов, прозревающих под ее платьем не кожу и не плоть, а сплошную мистику. Но душа ее тепла лишена, словно промерзшая пещера.

Она вроде меня, сказочник. Пойдем, в октябре эта женщина снимает праздничные наряды, но всё еще бодрствует. Зимой-то ее не добудишься. А сейчас... сейчас она исполнена презрительной усталости по отношению к гостям и потому разрешает им увидеть свою душу... какая она есть на самом деле. Ей не до учтивости.

Они спустились вниз, к набережной. Темный орнамент парка остался позади. А впереди - старый мол, узкой лентой врезающийся в море. Об этот каменный клык разбивались черно-белые волны - уголь с солью.

- Смотри! Смотри! Осенью здесь бывают такие шторма!

Он сжал ей локоть и негромко спросил:

- А то, что я вижу сегодня, - считается штормом?

Море било в берег с такой силой, будто решило расколоть твердь и запустить щупальце внутрь гор. В молу были проделаны прямоугольные отверстия. Под ними вода с бешенством грызла тонкие сваи, роняя клочья пены с челюстей. Брызги взметывались над «окнами» в камне.

- Нет. Скорее, предштормие - просто море немного сердится... Ты видишь ее?

Ольгин собеседник сделал несколько шагов вперед. Высокая волна разом накатила на мол, погребла под собой половину каменного тела, понеслась по нему, словно конькобежец по льду, потянулась к ногам человека. Прикоснувшись к ботинкам, она изнемогла и на миг застыла в нерешительности. Сказочник быстро наклонился, зачерпнул. Подняв пленённую воду к лицу, он повернулся к Ольге и спросил:

- Она?

- Да.

Вернув морю морево, он покачал головой.

- Я вижу ее. Она холодна, потому что она - не человек. А потому нисколько не похожа на тебя. Если ее душа - промерзшая пещера, то твоя - пещера с горящим очагом посередине. Надо вовремя подбрасывать дрова, и холодно не будет...

Тогда Ольга осмелилась обнять его.

Вечер за вечером они проводили в беседах, и души так тесно сплелись, что один Бог сумел бы разобраться, где кончается одна и начинается другая.

Но однажды их общая сказка кончилась.

- Я провел с тобой столько времени, сколько мог. И даже несколько больше. И я еще вернусь к тебе. Я обязательно вернусь, даю слово. Но сейчас мне следует отправляться на Марс. То, что я обязан делать, то, к чему я предназначен, стоит и ждет меня. Мне

надо быть там и завершить работу. Со мной уже несколько раз связывались, но я тянул, пока это было возможно. Дольше уже невозможно. Прости меня, сегодня у нас последний вечер. В полночь я должен быть на космодроме, и у нас с тобой осталось... у нас... в общем... у нас ничего не осталось. Пять минут. Меньше пяти минут. Прости меня. И дождись меня. Я вернусь так скоро, как только получится. Я буду держать с тобой связь, обещаю твердо.

Ольга не поверила своим ушам.

- Как же так... Я... я... не понимаю, почему мы не можем быть вместе. Мы должны быть вместе... иначе неправильно. Нет... я не понимаю.

Она, разумеется, знала, что когда-нибудь это произойдет. Что им придется расстаться, нет, не расстаться даже, а просто надолго расцепиться. Но пока сказочник был рядом или, на худой конец, пока она владела твердой гарантией скорого визита, она даже не пыталась размышлять об этом. Да она даже представить себе не хотела, как это - долго без него. Ум говорил: тебе придется испытать, каково на вкус и запах его отсутствие.

Но плачут не умом.

Он обнимал ее. Досадовал. Опаздывал почти безнадежно. Любил. Обнимал еще крепче. Совершенно не понимал, что именно следует ему сказать.

Потом Ольга сообразила: она делает сказочника несчастным. А ей очень хотелось сделать его счастливым. И Ольга решила послужить своей любовью его счастью. Не размышляя, не мучаясь, не злословя.

- Вот что... Я тебе верю. И я очень надеюсь на тебя. Возвращайся скорее, мне нужно тебя много. Впрочем, нет. Не так. Мне нужно тебя всего и навсегда. Понятно тебе? Возвращайся, чтобы я могла тебя забрать. А ты заберешь меня.

Он кивнул.

Потом вынул из кармана пригоршню старинных монет с чеканными профилями президентов, королей и герцогов.

- Возьми. Долго объяснять, как это устроено, кто это придумал... Самое важное: тут десять монет, на каждую я наговорил по одной сказке. Когда... ты опять... когда холод подступит к тебе... возьми одну из них и крепко сожми в ладони.

Он повернулся к ней спиной, прошел несколько шагов, повернулся лицом и помахал. Опять повернулся спиной, еще несколько шагов, опять лицом - и опять взмах рукой. Так продолжалось, пока он не отошел столь далеко, что фигура его совершенно расплылась в июльских сумерках. Она махала ему в ответ, не переставая.

А когда уже не могла разглядеть его силуэт, сжала в ладони первую сказку-денежку.

И услышала голос, и почувствовала исходящее от него тепло:

- Жила-была маленькая девочка...

Ольга расходовала сказки-денежки очень экономно. Терпела, сколь получалось, а потом еще немножко и еще немножко.

Всякий раз, когда терпению ее приходил конец и она погружалась в желанный голос - на полчаса, на час, на два (сказки попадались разной длины), - диск в ее руке истончался и обретал совсем другую форму. Истраченная монетка превращалась в небольшую серебряную раковину, почти невесомую, - то похожую на веер, то с бороздкой посередине, то как у простой улитки на спине, то диво из тропических морей; всякий раз ей доставалось маленькое совершенство. Вот только от денежки исходило тепло, а от ракушки - нет. Оно пропадало вместе с израсходованной сказкой.

Ей очень хотелось получить от сказочника послание по межпланетной связи. Теперь у нее появилось представление о том, сколь дорого стоит отправить такое письмо, и она не ждала его ни через день, ни через неделю, ни через две.

Но месяц!

Немыслимо.

Странно, с тех пор, как сказочник вылечил ее, приступы внутреннего холода больше не случались. Она перестала их бояться. И даже когда минул месяц без письма, а последняя денежка отдала свою силу, сердце не захотело совершить новое путешествие в серую страну. Ледяные клубни в нем больше не появлялись. Словом, не происходило ничего непостижимого, ничего сверхъестественного. Просто в груди сделалось тесно.

Ей нужна была его рука и его голос.

И, если отдать себе отчет в некоторых незначительных мелочах, ей нужно было его всё. Ольга впервые подумала, что понятие «жена» при определенных обстоятельствах перестает звучать устрашающе и чужеродно. Жена... И вот что - страшно?

Да ничуть. Страшно совсем другое.

На тридцать первый день его отсутствия в их доме появилось странное существо - пятилетний марсианин. Невысокий, бледный, с рыжей бородой, расходившейся надвое, словно вилы. Выглядел он неотличимо от землянина, и лишь слова его выдали инопланетную сущность. Упав на стул, он пожаловался на угнетающую силу тяжести в этих краях. Оказывается, он переселился пять лет назад из Рязани на Марс, сидел там всё это

время безвылазно и отвык от избыточного веса.

Выпив чаю, марсианин решительно попросил еще. У них там научились выращивать помидоры, дыни, айву, кофе, пшеницу и ежевику; есть свой табак и свой виноград; в общественных оранжереях тут и там висят спелые плоды граната, но их никто не трогает - давно приелись... А вот чай по какой-то Господней прихоти не приживался в тех благодатных местах. Ну что ты будешь делать! Чай - либо контрабандный и очень дорого, либо вполне законный, но запредельно дорого. Распространился, знаете ли, своего рода чайный туризм на Землю...

Мать смотрела на пришельца с терпеливым удивлением, отец - неведомо почему - с угрюмой настороженностью, а она - со спокойной надеждой.

«Когда же ты до дела доберешься, драгоценный мой инопланетянин! Тридцать первая минута тридцать первого дня - это, знаешь ли, многовато... А ты идешь на второй литр без видимых усилий, и в ус не дуешь».

Должно быть, странный посетитель встретился с нею взглядом и что-то понял. Он даже на секунду выпустил из рук чашку, поставив ее на блюдце. Потом испугался, вновь схватил ее и поднес к губам. Судорожно глотнул.

- Это вы Ольга Ильина? То есть... простите... я забыл о приличиях... Не вы ли это, госпожа Ильина?

- Вылитая я это, господин пришелец.

- Оля!

Она сделала маме невинные глаза. А что, собственно?

- Э... У меня для вас послание от магистра полевой археографии Сергея Антонова.

Суховато сказал гостюшка... У нее впервые появилось подозрение, что весть, которую он так долго таил, может оказаться ничуть не радостной.

- Господин Антонов тяжело болен и, по отзывам врачей, скорее всего, умрет в ближайшие дни. Он не может исполнить обещание, которое дал вам, и в том не его воля, а Божья. Но он молится о вас, желает вам счастья и очень любит вас. И еще он очень жалеет, что не может подарить вам еще одну сказку. Это всё, что мне велено передать, госпожа Ильина.

- Как - всё? Какие глупости! Не может быть. Всё? Повторите еще раз, вы точно упустили какую-то... какие-то...

Он повторил слово в слово.

Мать помогла ей собрать вещи и сняла деньги со счета. На Марсе ходят только наличные, это Ольга знала как Отче наш.

Отец попробовал говорить с ней повелительно:

- Тебе стоит послушать меня и прислушаться к моим словам.

«А ведь он, пожалуй, думает, что может не отпустить меня».

- Папа, извини меня, времени осталось совсем немного. Капелька. Две минутки. Папа...

- Я не отпускаю тебя! И спешу сообщить тебе о причинах своего решения. Я вижу в твоем желании мчаться без оглядки на космодром одну только блажь. Блажь, причуду и ничего сверх того! Давай-ка сядем, успокоимся и поговорим, наконец, серьезно.

«Ты не сядешь, а я и подавно не сяду. Слабый ход, папа».

Оба, разумеется, остались стоять.

- В твоем возрасте, Ольга, юным мечтательным девушкам свойственно верить в красивую сказку. И наслушавшись сказок, ты почему-то не нашла ничего более рационального, как только возвести сказку вокруг себя. Того ли мы добивались от тебя с матерью все последние годы? Сколько в этом твоем поведении ответственности за свои поступки, сколько взрослости? Я вижу: ни на гран ни того, ни другого. Подчинившись минутной вспышке эмоций, ты собираешься на другую планету - поискать там сказку, стремительно улетучивающуюся рядом с тобой здесь, на Земле! Подумай здраво, свидетельствует ли о зрелости характера твое стремление убежать в сказку?

«Вот бы он успел за две минуты. Ах, как это было бы славно! Потому что трех у меня в любом случае нет».

- Более всего меня раздражает тот факт, что мой друг, взрослый человек, попытался завести с моей дочерью какие-то отношения безо всякого позволения с моей стороны. Разумеется, я в любом случае был бы против, но хотя бы поговорить как мужчина с мужчиной... Некрасиво! Ты молчишь и, я надеюсь, начала понимать мою правоту...

«Даже не знаю, как объяснить ему... Впрочем... Иногда лучше ничего не говорить, а то еще скажешь что-нибудь».

- Ты у нас совершенно несамостоятельный человек. Да ты просто ребенок! Ни разу в жизни ты хотя бы сутки не провела вне дома, вне нашего с мамой присмотра! Что тут говорить о столь длительном пребывании в большом и сложном мире, который тебе абсолютно не известен! К тому же ты сама отлично знаешь, насколько слабое у тебя здоровье... Если бы кто-то из нас мог сопровождать тебя, вероятно, этот бессмысленный вояж на Марс оказался бы возможным. Как своего рода учебно-экскурсионное путешествие, например. Но твоя мать нехорошо себя чувствует, к тому же ей элементарно тяжело отправляться в такую даль. А я слишком занят неотложными делами... Ты... Ольга! Не понимаю твоего поведения... Я же сказал, что ты никуда не едешь!

Почему... ты... сумка... сейчас же... ты... куда... сумка... остановись немедленно... и сумку... свою...

Последние слова обращены были к закрывающейся двери.

«Не поймал», - только и подумала она, заводя кар.

Отец догнал ее, когда она стояла в очереди к регистрационной стойке на симферопольском космодроме. Она не отправилась бы домой ни при каких обстоятельствах. И, кажется, слишком сильно посмотрела на него, пытаясь взглядом выразить эту простую мысль. Трудно объяснить что-то, когда и так всё понятно. Во всяком случае, тебе - всё понятно. И непонятно, как другим может быть непонятно.

От ее взгляда отец отшатнулся.

Сгорбился.

Бессильно потер пальцами лоб.

Не драться же им!

Жалея его, она произнесла:

- Извини меня, папа. Извини меня. Я не в сказку еду. Я еду к живому человеку, который мне очень нужен. Я должна быть рядом с ним. Никаких сказок, папа. Просто так вот у нас получилось, уже не переиграешь. Прости меня, папа. Пожалуйста.

Лицо у него сморщилось - все мышцы старались не дать слезам выбраться наружу. Шагнув к дочери, он робко погладил ее по руке.

- Ну... ладно... Ладно. Ты... давай-ка там это...

Замолчал и добавил тверже:

- С богом, Ольга. И ты меня прости. Обязательно!

С этими словами он сунул ей две распечатки.

- Простишь? От него было два послания, но я... как-то... мне это всё не нравилось. И, строго говоря...

Наверное, она бы крепко разозлилась. Дурная вышла бы сцена - да еще при всем честном народе! Но мысли ее давно удрали с Земли на Марс, мысли ее давно стали марсианками, им уже не было никакого дела до чудесных, добрых, далеких землян. Они находились в данный момент на космодроме фактории Королев и озирались в поисках таможенной будки. Поэтому Ольга и ответила с такой легкостью:

- Конечно, папа. Ничего.

Отец хотел поцеловать ее в щеку, даже потянулся, но потом, наверное, решил, что выходит как-то неловко, нелепо... в семье так не делается... да и очередь... столько чужих людей. Не стал целовать. Прикоснулся к ее пальцам и попытался улыбнуться, а она попыталась улыбнуться ему в ответ. Не смея стереть с лица

эту странную недоулыбку, он зашагал к стоянке частных каров у входа в здание.

Первое письмо сказочник отправил на десятый день после их расставания:

«Очень скучаю по тебе, очень люблю тебя. Помнишь, однажды ты водила меня на мол, убегающий в море, близ горы Аю-Даг? Мы еще говорили тогда о холодной душе Крыма, и ты сравнила ее со своей душой, со своим сердцем. А я возразил: у тебя душа не холодная, а зябкая. Она всё время мерзнет, ей всё время нужны сухие дрова. Ведь я именно это говорил, верно? Так вот, кое-что изменилось. Мне очень хотелось отогреть тебя, и в конце концов я сам стал зябнуть в те дни и часы, когда не мог делать это. Согревая тебя, пришелица из эфирного княжества, слишком хрупкая для нашего мира, я и сам согревался. Тепло бродило меж нами, как вода по сообщающимся сосудам: когда в одном недостача, она сейчас же восполняется из другого... Нынче, признаюсь, мне холодно без тебя».

Второе пришло дней через семь после первого:

«Я так скучаю по тебе, я так люблю тебя! Рад был бы вернуться на Землю поскорее - дела мои большей частью завершены, и мне нескоро потребуется вновь лететь на Марс. К несчастью, возвращение мое откладывается. Я подцепил какую-то местную хворь. Ничего серьезного, однако экспедиционный врач велел, для проформы, полежать в карантине с недельку. И теперь эскулапы международного госпиталя «Каперна» тратят на меня время, более необходимое для настоящих больных. Подожди еще чуть-чуть. Как только медики отпустят твоего сказочника, он без промедления явится к тебе».

Она взошла на борт межпланетного лайнера «Секрет» с одной мыслью: «Господи, сколько же он там валяется? Господи, помоги ему!»

- Послушайте, от нас мало что зависит... Что мы можем? В лучшем случае, гасить некоторые симптомы. Таких бактерий нет на Земле. Раньше, может быть, и были, но сейчас уже нет. И у нас, конечно, нет опыта борьбы с ними. Марсианской медицине, по большому счету, всего несколько лет... И я даже не представляю себе...

- Доктор, у него есть шанс?

- Я не знаю! У меня двое с переломами, один с белой горячкой, один с честным добрым земным гастроэнтеритом, сорок два с марсианской лихорадкой и один - с синдромом манускрипта. Я отлично представляю себе, как поставить на ноги четверых из сорока семи. А вот насчет остальных...

- Так это называется «синдром манускрипта»?

- Да, профессиональная болезнь полевых археографов на Марсе. На старушке-Земле таким способом можно в худшем случае лишить себя зрения, а тут... тут совсем другое дело.

- Профессиональная болезнь? Значит, уже были случаи...

Молоденький доктор, вчерашний студент пензенского мединститута, до смерти уставший, с синевой под глазами, с мощным стимулятором в артериях, только бы не уснуть, только бы не уснуть... сообразил, до какой степени он проговорился. Дальше следовала двухходовка, после которой ему угрожал мат.

- Были. А как же! У всех одно и то же: не надев перчаток, взялся листать рукопись эпохи Дон или эпохи Лом, кто их разберет, и... машинально потер уставшие глаза.

Доктор с наслаждением потер глаза.

- Сколько было таких случаев? Чем закончилось?

Шах.

Он вяло попытался сопротивляться:

- Ну... в сущности, это чисто медицинская проблема... тут есть масса аспектов, которые следует учиты...

- Сколько, - она повысила голос первый раз в жизни, - и чем закончилось?

Доктор сдался.

- Сергей Антонов - четвертый. До него у нас было три летальных исхода. Но...

- Он будет жить еще... - У нее не хватало сил договорить вопрос до конца.

Доктор отвернулся.

- Сутки?

- Н ну... я...

- Меньше?

- Если судить по тому, как протекала болезнь у остальных трех, то... да какого ляда... Хорошо, пожалуйста: ему остался час. Если повезет - час. Температура во всем организме стремительно понижается, дыхания почти нет, пульс нитевидный. И... в сознание он уже не придет.

- Что его может спасти? Какое-нибудь дорогое лекарство? Запредельно дорогое? Операция? У меня есть счет, и я... могу...

Доктор покачал головой.

- Что? Почему? Вы знаете, как мне трудно было сюда добраться?! Почему вы не способны... Да не может быть, чтобы не было средства!

Доктор достал платочек, вытер пот со лба, взял ее за руку и повел по коридору.

- Я не чудотворец. Пойдемте. Проститесь с ним.

У сказочника было изжелта-серое лицо. Такой цвет принимает в августе трава, высушенная свирепым зноем.

Что они тут с ним сделали!

Не мертвый лед, а настоящий живой ужас игриво пробовал когтем ее сердце: твердое? не очень? Да почему же ее сказочник теперь - кожа да кости?! Она выпалила:

- Его не кормят?

- Не выдумывайте. Кормили бы исправно, как всех пациентов, если бы он еще сохранил способность принимать пищу традиционным способом.

Ольга беспомощно огляделась.

- Я... мне надо...

Врач, ни слова не говоря, вышел.

Она склонилась над умирающим сказочником. Помедлила и поцеловала его в глаза, а потом в губы. Это был их первый поцелуй.

В нем почти не осталось тепла. Ольга взяла его ладонь, стиснула - никакого ответа. Пальцы почти ледяные.

Она помолилась Богородице. Мать говорила: «Богородица тепла и скоро помогает...»

Что теперь? Расплакаться? Слёзы не идут. Потом, может быть, они полезут в глаза нежданными и незваными гостями, но сейчас их нет.

Несколько мгновений она колебалась, не зная, как поступить. Затем, повинуясь безотчетному желанию, выключила свет и начала рассказывать сказку. Если он способен хотя бы слышать, хотя бы немного, хотя бы чуть-чуть слышать, то получит тот единственный подарок, который она еще может ему преподнести.

- Жила-была маленькая девочка. А неподалеку от нее жил чеканщик слов...

Она говорила о древнем приморском городе, видя его совершенно отчетливо: стены с зубчатыми башнями, богатые кварталы на холмах, лачуги у самого порта, рынок, ратуша... От главных ворот разбегались дороги. Вот мощеные пути, по которым в беспокойные времена передвигались войска, вот добрые купеческие тракты с глубокими колеями. А вот петлистая, то исчезающая, то вновь появляющаяся на карте и на земле узкая ленточка полузабытой дороги, ведущей из столицы в край горных монастырей и заброшенных замков. По ней любят ходить книжники. Они бродят парами - учитель с учеником - и забираются в сущую глушь, отыскивая там рукописи давних эр. Шагают мимо лугов и болот, переплывают на лодках лесные озера, пересекают безлюдные чащобы, идут без отдыха, под пение

птиц и шорохи дождей. Вот они добрались до места. В комнате плавает печной жар, но его недостаточно. Сев за стол, заваленный рукописями, два путника долго отогреваются горячим чаем и теплым вином. Затем неспешно принимаются за дело, работают долго, не жалея себя, и вдруг среди ветхих палимпсестов отыскивают истинное сокровище...

Голос Ольги принял интонации, слышанные ею сотни раз. Слова ткались сами собой, ей не приходилось над ними задумываться ни на миг. Звуки и запахи комнаты, где два книжника склонились над харатейной хроникой о временах царей и героев, отступили. Мир сказки, явившейся к ней сразу, во всей яркости и силе, выплескивался теперь, не требуя умственных усилий. Рядом с ним, затмевая его зыбкие черты, возник иной мир: только для нее самой и человека, умиравшего у ее коленей.

Она представляла себе, что идет по бесконечной кленовой аллее рука об руку со сказочником. Клены роняют червонное золото, под ногами шуршит живая фольга. Ворон почти недвижно сидит на ветке, лишь голова его медленно поворачивается, медленно, очень медленно, медленно-медленно... взгляд птицы едва успевает провожать их. Тишь. Лист не шевельнется, ни шороха не издаст, не шепнет. Ветер застыл, воздух стоит. Они идут долго, им некуда торопиться, они счастливы. Над ними - прозрачное высокое небо ранней осени, и солнце еще бело и нежно. Он слушает ее. Она негромко роняет слова в листвяной ковер, и звуки ее речи обретают цвет, вес, форму, обращаясь в кружево. Вкруг них кружит кружево сказки, затворяя двери от непокоя.

Ах!

Ольга останавливается на полуслове: что-то изменилось. Ее сознание покидает кленовую аллею и возвращается в больничную комнату. Звук? Какой-то звук? Кто-то включил свет?

Нет.

Она поняла не сразу.

Теперь ее пальцы, сжимавшие его ладонь, чувствовали ответное пожатие и тепло. Она не могла собраться с мыслями, она не знала, что теперь делать. Позвать врача? Растормошить сказочника? Дать ему лекарство? Да где его лекарства! Не разберешь...

Из-за двери доносились посторонние шумы. Поэтому она не столько услышала, сколько угадала, глядя на его губы, одно только слово:

- Про-дол-жай.